

УДК 001

Ростова Антонина Тимофеевна

кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры физики, электротехники и электроэнергетики,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО
Пятигорский Институт сервиса, туризма и дизайна, г. Ставрополь
rostova_1177@mail.ru

Antonina T. Rostova

candidate of physico-mathematical sciences, Associate Professor, Associate
Professor of physics, electrical engineering and "electricity",
North-Caucasian FEDERAL branch
in (Piatigorsky Institute of service, tourism and design, Stavropol)
rostova_1177@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО МИФОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ И ЛИЧНОСТЬ: ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОТЫСКАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ

HISTORICAL REPRODUCTION OF THE MYTHOLOGICAL WORLDVIEW AND PERSONALITY: AN ATTEMPT TO PHILOSOPHICAL SEARCH FOR A DIALECTICAL FORMULA

***Аннотация.** В настоящей статье производится попытка применить диалектическую теорию А.Ф. Лосева в осмыслении принципов воспроизводства мифа в современном обществе. Автор исходит из предположения, согласно которому в современности социальная ситуация не только не способствует элиминации мифа, напротив располагает к его трансформации, закреплению и воспроизводству. В качестве основания для такой позиции автор принимает историческую укорененность мифа, его способность к нивелированию из области саморефлексии (представляясь иной формой мировосприятия), а также сущностные основания самой личности. В ходе рассуждения автор воспроизводит «диалектическую формулу мифа» и применяет ее для раскрытия предметной области исследования.*

***Ключевые слова:** воспроизводство, общество, миф, личность историческое воспроизводство, современное поколение, коммуникация, А.Ф. Лосев.*

***Summary.** In this article an attempt is made to apply the dialectical theory of A.F. Losev in understanding the principles of the reproduction of myth in modern society. The author proceeds from the assumption that, in modern times, the social situation not only does not contribute to the elimination of myth, on the contrary, disposes to its transformation, consolidation and reproduction. As the basis for such a position, the author assumes the historical roots of the myth, his*

ability to level out of the field of self-reflection (representing a different form of perception of the world), as well as the essential foundations of the personality itself. In the course of reasoning, the author reproduces the "dialectical formula of myth" and applies it to the disclosure of the subject area of research.

Keywords: *reproduction, society, myth, personality historical reproduction, modern generation, communication, A.F. Losev.*

Воспроизводство мифа, безусловно, имеет исторические основания. В некотором смысле, миф и есть история. История, преломленная через личностное восприятие, возможно, через несколько этапов личностного и коллективного восприятия, возвращенная через преломление к личности в измененном до неузнаваемости виде, или же, воспроизведенная в процессе смены поколений, но сохраненная как некий архетип, или символ, или язык. Воспроизводство мифа как мировоззрения представляет высокий уровень философского интереса в силу принципиальной неистребимости мифа из социального сознания.

В современной информационной эпохе способность к коммуникации не заслоняет потребность человечества в мифе, напротив, мифы прошлого соединяются с мифами современными. Эта идея тем отчетливее понимается, чем обстоятельнее мы рассматриваем труды авторов, исследующих социальную реальность современности. Так, анализ работ Д. Белла [1] и К. Манхейма [5; 6] показывают насколько отчетливо должна проявляться неопределенность современной социальной реальности, как она схожа с неопределенностью первобытного или средневекового сознания. Но неопределенность современного человека помножена на возможности массовой коммуникации и закреплена уверенностью в собственной компетентности, образованности и исключительности.

Это переводит процесс воспроизводства мифа на новый уровень. Мифы, характерные для конкретной отдельно взятой культуры, входят во взаимодействие с мифами других, некогда изолированных культур. Наличие похожего мифа в другой культуре не опровергает миф, напротив, утверждает его реальность, влетает его в историю.

Современный миф синкретичен, он воспроизводится через значительно больший спектр средств коммуникации, чем мифы прошлого. В своей синкретичности миф представляется как наука, философия, религия, искусство и самая что ни на есть прагматика обыденности. И действительно, если понимать миф как мировоззрение и провести демаркацию между ним и другими формами мировосприятия, то все иные формы стремятся к тому, чтобы именоваться собою и восприниматься в своей самости. Так, человек, воспринимающий мир через истину науки понимает, что сфера его деятельности – наука (или, по крайней мере, на это надеется). То же касается искусства, прагматического (обыденного) мировоззрения. В свою очередь, миф будет ускользать от саморефлексии, представляясь наукой, религией, прагматикой ит.д. Миф срастается с представлением об иных формах

проявления культуры, растворяет их в себе и предстает в неосознаваемом виде [2]. Неслучайно, одним из первых способов выхода из мифологической парадигмы мышления является осознание мифа как личностно присущей формы собственного мировосприятия.

В этой связи интерес представляет понимание мифа, предложенное отечественным философом А.Ф. Лосевым [4, с. 5]. Разграничив миф от иных культурных феноменов, недостаточно глубокое понимание которых ведёт к их отождествлению с мифом, Лосев переходит к следующей части рассуждений: теперь он делает попытку дать положительное определение мифа, которое становится возможным, благодаря устранению неясностей в данном понятии. Вслед за великим исследователем, вклад которого в осмысление мифа сложно переоценить, попробуем сформулировать диалектический принцип существования и воспроизводства мифа.

Прежде всего, на пути к окончательной диалектической формуле мифа стоит отметить его личностную природу. Дело в том, что миф обретает своё содержание только в личности и через личности. Это положение можно вывести даже из отрицательных моментов рассуждения.

Миф не есть наука, и он не является идеальным бытием как раз по причине своей овеществлённости. Он не просто существует в виде идеи или некоего теоретического толкования, он непосредственно заброшен в жизнь, он постоянно реализуется в повседневности. Этот момент и роднит понятие мифа с понятием личности по той простой причине, что личность, как и миф, постоянно реализовывается в повседневности. Её реакция на окружающую действительность постоянно варьируется в зависимости от ситуации, обеспечивая ей непрерывный живой контакт с миром. Личность всегда единична, так как, поступая определённым образом, она формирует себя, обеспечивает себе единую, уникальную целостность, присущую только ей самой.

Миф – это такая осуществлённая интеллигенция (одухотворённое выражение), что и сама личность. Они – символы, так как обе сферы – личностная и мифологическая, выражают сугубо своё внутреннее содержание – ни больше, ни меньше. Более того, все мифические образы мифичны не сами по себе, а через личность, которая их мифологизирует. Здесь возникает ещё один важный момент, необходимый в пояснении: дело в том, что миф обретает собственную реальность исключительно посредством личности. То, что личность подпадает под влияние мифологии и поступает так, как требуют её аспекты – другой вопрос. Из этого факта не следует, что раз личность так зависит от мифа, то последний творит её целиком и полностью. Прежде всего, миф обретает силу благодаря сформировавшейся личности, которая подспудно решает, следовать определённой мифологической реальности или нет.

Но не стоит впадать и в другую крайность, утверждая, что раз личность первична по отношению к мифу, то они никак между собой не соотносятся, хотя и постоянно пересекаются. Всё-таки, миф становится мифом благодаря

сугубо личностным чертам, к тому же постоянно пребывающим в реальности. Невозможно сотворить миф о чём-то, что не будет находить аналогов в действительности, и следовать такому мифу. Мы можем оперировать какими-то сугубо умозрительными конструкциями, но они будут внеисторичны, внеличностны, так как для личностного всегда характерно «здесь и сейчас», личностное всегда нуждается в единичном, в балансе идеи и её адекватного материального воплощения, поэтому умозрительные категории целиком отданы сфере науки, которая, не есть мифология, хотя и содержит в себе её черты. Таким образом, становится понятным, почему стоит вслед за Лосевым определять миф как личностное бытие, данное исторически.

Отсюда следует и ещё один вывод, в котором миф понимается как слово, иначе – творчески и активно выраженное самосознание. Сущность слова не так проста, как кажется на первый взгляд. Уже философы двадцатого века (структурализм, философия языка) всерьёз ставили вопрос о важной функции языка в общем и слова – в частности. Слово – это не просто произносимая человеком в определённой последовательности очерёдность звуков, но и, прежде всего, смысл, который в этой очерёдности закреплён. Уникальность слова состоит также и в том, что каждый индивид придаёт свой особый оттенок определённому слову.

Этот оттенок включает в себе всю гамму переживаний, когда-либо испытанных человеком в его жизни. При слове «собака» каждый отдельно взятый субъект будет представлять конкретную собаку, которая когда-то встретила его и так или иначе взаимодействовала с ним. Нельзя представлять голое понятие чего бы то ни было, каждое представление, оформленное в слово, нуждается в конкретном содержании. От этого содержания, в свою очередь, будет зависеть тот контекст, который человек вкладывает в слово. Из этого следует, что несколько индивидов, говорящих об одном и том же, в конечном итоге, будут говорить о разных вещах, сходных только по родовому признаку, но индивидуальных по сути.

Миф, являясь личностной, индивидуальной сферой очень чутко реагирует на содержательные нюансы, абсолютизируя частные моменты, возводя их до общих. Так, к примеру, человек может бояться совершать определённое действие, считая, что ему априорно никогда не достичь в его выполнении успеха. Такая позиция может быть обусловлена многими причинами, самой очевидной из которых, возможно, была (неудача или ряд неудач) при выполнении подобного действия в юном возрасте. Негативный опыт, в таком случае, может закрепиться в бессознательном ребёнка, программируя его на крах при последующем выполнении упомянутого действия.

Из этого примера ясно виден механизм создания и работы мифа: единичное событие, невыполненное, возможно, по чистой случайности или неопытности, раздувается самим же мифическим сознанием до небывалой значимости. На выполнение подобного действия накладывается

вынужденное табу, а его (действия) реализация приравнивается к огромной победе, хотя, возможно, ничего героического для этого не требуется.

Таким образом, сразу становится понятным значение слова в контексте его тождества с мифом, причём слово понимается здесь двояко: как носитель информации, и как выразитель сугубо личностного компонента.

Наконец, последний компонент диалектической формулы мифа, которая будет приведена ниже, заключается в понятии чуда. Можно легко впасть в заблуждение, считая само это слово неуместным в какой бы то ни было научной работе, и полагая, что рассматривая диалектически природу мифа можно впасть в ересь, если при окончательном разъяснении этого понятия будет упомянут этот несерьёзный термин. Но не стоит забывать, что это слово – такое же понятие, имеющее право на существование и обладающее определёнными атрибутами, такими же реальными, как и атрибуты любого другого понятия, и одно лишь упоминание этого слова не делает рассуждение «чудесным», то есть запутанным и необъяснимым. Категория чуда – одна из важнейших категорий, дающих объяснение феномену мифа, поэтому замалчивать или избегать чуда не следует, если стоит задача раскрыть сущность мифологии.

Прежде всего, в научной традиции закрепилось самое, что ни на есть неправильная трактовка этого понятия. Чудо понимается либо как синоним необъяснимости, которая, в свою очередь, тождественна научному бессилию, либо как нарушение законов природы, которое зачастую интерпретируется как опять-таки преграда научной мысли. Но для того, чтобы избежать такого одностороннего понимания, надо рассмотреть феномен чуда с подлинно научной точки зрения. Исходя из этой установки, станет ясно, что чудо – это не что иное, как условное обозначение неоткрытых закономерностей, которые в силу определённых причин не могут быть выделены из окружающей действительности, но которые в полной мере действуют, реально воздействуя на ход событий в мире. Сами закономерности могут быть не выявлены, а если и выявлены, то неправильно, но формы проявления такой закономерности с необходимостью проявляются в объективной реальности. Не умея объяснить эти проявления, человеческое сознание считает их чуждыми, иррациональными, ошибочно приписывая им способность менять установившийся в мире порядок, тогда как непознанная закономерность всего лишь действует сообразно своей природе, хоть и не так явно, как уже познанные.

Следовательно, в понятии чуда заключён великий смысл. В нём как бы в имплицитном виде отражены все законы природы, даже те, постижение которых выходит за грани возможностей нашего разума. Чудо диалектически превращается из безосновательного понятия в самое что ни на есть конкретнейшее. Это – своего рода хайдеггеровский аналог потаённого, в котором спрятаны все возможные комбинации, которые только может породить из своих недр мир. Надо только «вытащить» оттуда ту или иную

вещь, тот или иной закон, и тогда он, овеществлённый, будет работать, теперь уже зримо воздействуя на реальность.

Но понимание чуда было бы не полным, если бы не был затронут ещё один план этого понятия. Чудо – это не только не выявленная закономерность, но это ещё и момент её проявления, в котором сливается в единое целое и удивление перед неизвестным, и момент отрешённости, захваченности чудом. Это состояние тождественно «пограничному состоянию» экзистенциализма, в котором чувство истины настолько глубоко проникает в сознание, что теряется всякое ощущение реальности, в которой индивид пребывал до этого момента.

Этот слой понимания чуда как нельзя лучше отражает структуру мифа, в которой чудо присутствует, как момент. Подобно тому, как в каждой части с необходимостью присутствует момент всего целого, так и в чуде явственно видны моменты, присущие мифу: чудо – всегда личное переживание, столкновение с непонятным тет-а-тет, кроме того, чудо – временное единичное проявление, в отличие от уже открытых законов, которые, по Лосеву, являются общей схемой действий, несовершенной и ограниченной. Вся особенность чуда как раз-таки и состоит:

- во-первых, в том, что в нём проявляется скрытая закономерность, которая предстаёт индивиду как раз в своей скрытости,

- во-вторых, в проявлении себя как себя в виде определённого события, которое фиксируется временными и пространственными рамками, что делает его интимным, личным.

В окончательной диалектической формуле понятию чуда отведена не последняя роль, наряду с личностью и историзмом. В свёрнутом виде эта формула выглядит так: «Миф = Личность + История + Чудо = Развёрнутое магическое имя».

Такой вывод как нельзя более полно удовлетворяет решению поставленной задачи по раскрытию сущности мифа, так как:

- 1) сущность мифа была раскрыта диалектически, что более полно отвечает методике философского и любого настоящего научного исследования;

- 2) при решении задачи Лосев использовал приём вживания, он глядел на миф не глазами внешнего исследователя, которому его подход обеспечил бы, в лучшем случае, лишь фиксирование отдельных проявлений предмета, он сделал попытку исследовать предмет изнутри, чтобы понять как можно более полно все закономерности, составляющие сущность мифа;

- 3) прежде чем раскрывать природу мифа, Лосевым было произведено разграничение предмета исследования, от сфер, состоящих в непосредственной связи с предметом, но им не являющихся. Это позволило избежать заблуждений на пути определения сущности мифа, и как можно более полно выделить его основные особенности.

Стоит отметить, что в современной культуре понятие чуда ни сколько не исчезло, напротив, цивилизация перевела из сферы чудесного те

атрибуты, которые воспроизводятся ей самой без лишнего обращения к необъяснимому. Так, например, передача изображения или голоса на расстояние не представляет для современного человека нечто чудесное, но вместе с тем, все еще остается для большинства людей сферой необъяснимого. Большинство людей готовы довольствоваться тем, что есть вещи, которые объясняют другие люди имеющие авторитет, или даже не люди, а некие собирательные авторитетные образы, такие как «современная наука» или «ученые». Таким образом, миф вплетен в настоящее современной истории и перспективно воспроизводится из поколения в поколение.

Литература:

1. Белл, Д. *Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования* / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: АCADEMIA, 1999. – 787 с.

2. Ермоленко, Г.А. *Язык культуры: монография*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 342 с.

3. Лосев, А.Ф. *Диалектика мифа* // *Философия. Мифология. Культура* / Вст. ст. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство политической литературы, 1991. – 529 с. – (Серия «Мыслители XX века»).

4. Лосев, А.Ф. *Логика символа* // *Философия. Мифология. Культура* / Вст. ст. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство политической литературы, 1991. – 526 с. (Серия «Мыслители XX века»).

5. Манхейм, К. *Диагноз нашего времени* / Вст. ст. П.С. Гуревича. М.: ИНИОН, 1992. – 254 с. - ISBN 5-7357-0046-4.

6. Манхейм, К. *Человек и общество в век преобразования* / Пер. с англ. М.И. Левиной. М.: ИНИОН, 1991. – 220 с.

Literature:

1. Bell. *Future post-industrial society: experience of social forecasting / Lane from English V.L. Inozemtsev*. М.: АCADEMIA, 1999. – 787 pages.

2. Ermolenko, G.A. *Yazyk of culture: monograph*. Krasnodar: Kuban State University, 2006. – 342 pages.

3. Losev, A.F. *Dialektika of the myth//Philosophy. Mythology. Culture* / Vst. Art. of A.A. Takho-Godi. М.: Publishing house of political literature, 1991. – 529 pages – (Thinkers of the 20th Century series).

4. Losev, A.F. *Logika of a symbol//Philosophy. Mythology. Culture* / Vst. Art. of A.A. Takho-Godi. М.: Publishing house of political literature, 1991. – 526 pages. (Thinkers of the 20th Century series).

5. Mannheim, To. *Diagnosis of our time* / Vst. Art. of P.S. Gurevich. М.: INION, 1992. – 254 pages - ISBN 5-7357-0046-4.

6. Mannheim, K. *Chelovek and society in a century of the transformation* / Lane from English M.I. Levina. М.: INION, 1991. – 220 pages.